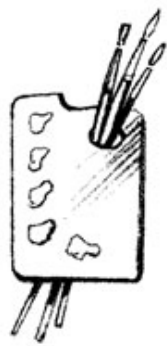

Екатерина СКОРОБОГАЧЕВА

АЙВАЗОВСКИЙ

Художник
пяти
императоров
и одного
искусства

Екатерина Скоробогачева

АЙВАЗОВСКИЙ

Художник пяти императоров и одного
искусства

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2021

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Скоробогачева Е. А.

Айвазовский: Художник пяти императоров и одного искусства / Екатерина Скоробогачева. — М.: Молодая гвардия, 2021.

ISBN 978-5-235-04636-8

Иван Константинович Айвазовский — всемирно известный маринист, представитель «золотого века» отечественной культуры, один из немногих художников России, снискавший громкую мировую славу. Автор около шести тысяч произведений, участник более ста двадцати выставок, кавалер многих российских и иностранных орденов, он находил время и для обширной общественной, просветительской, благотворительной деятельности. Путешествия по странам Западной Европы, поездки в Турцию и на Кавказ стали важными вехами его творческого пути, но все же вдохновение он черпал прежде всего в родной Феодосии. Творческие замыслы, вдохновение, душевный отдых и стремление к новым свершениям даровало ему Черное море, которому он посвятил свой талант. Две стихии — морская и живописная — воспринимались им нераздельно, как неизменный источник творчества, сопутствовали его жизненному пути, его разочарованиям и успехам, бурям и штилям, сопровождая стремление истинного художника — служить Искусству и Отечеству.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Скоробогачева Е. А., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Утренняя морская гладь переливалась множеством оттенков, вбирая щедрые дары солнечного света, легкий бриз едва волновал ее, оставлял на воде причудливо изменчивые зигзаги дуновений. За их игрой из окна своего дома в Феодосии задумчиво следил Иван Константинович Айвазовский — знаменитый художник, чья слава столь долго находилась в зените. В ранние часы утра он особенно любил работать над картинами в мастерской, когда его не отвлекали ни домочадцы, ни заказчики, ни многочисленные почитатели его таланта. Отложив кисти и палитру, оставив на некоторое время все дела и заботы, он устремлял взгляд к морю, которое любил, понимал, наверное, как ни один другой живописец.

Великий мыслитель Античности Платон писал о врожденных идеях, с которыми мы появляемся на свет. Человек не знает и одновременно интуитивно чувствует, угадывает их, поскольку к ним причастны его родители, предки, поколения его народа. Для Айвазовского такова врожденная идея моря, раскрывающая суть мироздания. Она сопутствовала ему постоянно, словно направляла его жизнь с раннего детства до последнего дня. Художник был наделен особым даром — воспринимать море глубоко, всесторонне: его настроение, облик и скрытый смысл, философскую значимость личностей, событий, эпох, с ним связанных.

Его жизнь была полна поразительных контрастов. Творческий подъем сменялся вынужденным бездействием, восхищение публики — косыми взглядами и шелестом сплетен. Вниманию критики и признательности зрителей сопутствовали черная зависть, озлобленность наставника, поддержке высокопоставленных друзей — гнев императора. Вслед за крайней бедностью, граничившей с нищетой, пришло богатство, безвестность сменила всемирная слава. На пике безоблачного счастья его ждала смертельная опасность — морское путешествие едва не стоило ему жизни, а преданная,

как казалось, любовь оборачивалась предательством.

И только море сопутствовало всегда и неизменно его жизни, как самый близкий человек, как верный друг, утешитель и врачеватель, источник творческого вдохновения, душевных сил и истинной красоты. В жизненных бурях и соблазнах, отгораживаясь от них броней молчания и упорства, художник не терял духовный стержень, сохранял поразительную стойкость, благородство, а с годами ему стали свойственны и мудрость, и желание служить людям, и самопожертвование.

Море словно одаривало Айвазовского переменчиво-непредсказуемой красотой, своей вековой силой, глубинами содержания, многогранностью настроений. Оно, вошедшее в его генную память, ставшее его «врожденной идеей», явилось символом его насыщенной событиями и свершениями жизни, выразило суть, вневременное значение его искусства. Морская стихия окрасила жизнь Ивана Константиновича особыми оттенками, наполнила ее контрастами, штормами и штилями. Но главное, что разумность его поступков, глубина мыслей, талант свершений были достойны величия и силы моря. В полотнах, будто древний демиург, он создавал свой мир, окрашенный философией его творчества, отражающий жизнь моря: нежность рассветов, зной полудня, насыщенность заката, ноктюрны ночи. Он воплощал извечные стихии — воду, воздух, свет, наполняя их своим пониманием смысла мироздания, в котором человек подобен песчинке на морском побережье, крошечной частице в замыслах Господа. Именно поэтому в его картинах явлены и беспощадность морской стихии, и лучезарный свет, ее побеждающий. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5), — гласит Евангелие от Иоанна.

Образы прошлого представляли перед его задумчивым и в то же время столь пронизательным взором, терялись в утренней дымке морских далей. Порой неожиданно для самого себя всемирно известный художник обращался к своему детству, к тем близко-далеким годам, не предвещавшим ни его славы, ни богатства, ни почестей. Но они были наполнены душевным теплом близких людей, красотой родных крымских

просторов, жаждой творческих открытий и свершений, тем неповторимым восприятием мира и той энергией, которые Иван Константинович Айвазовский смог сохранить на всю жизнь.

Глава 1

«ВРОЖДЕННАЯ ИДЕЯ» МОРЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ГОДЫ ДЕТСТВА И ОТРОЧЕСТВА

Это талант, рожденный Крымом, столь же яркий и пышный, как природа этого края. Айвазовского создало море, как оно создало Аю-Даг, прибрежные скалы, народные легенды и песни¹.

Ю. А. Галабутский

Солнечный день 17 (29) июля 1817 года стал счастливым в семье Геворка (Геворг, Кайтан, Константин, Константин Григорович) и Рипсима Айвазян (Гайвазовских, Айвазовских). Случилось долгожданное событие — у них родился сын Ованес.

Иван Айвазовский (Иван Гайвазовский, Ованес Айвазян) происходил из армянского рода. Ованес — армянская форма имени Иоанн (Иван). Его жизнь началась на юго-восточном берегу Крымского полуострова, в Феодосии, в семье купца, позже обедневшего торговца-толмача Айвазяна (Гайвазовского). В тот же день священник армянской церкви Сурб-Саркис (Святого Сергия) в Феодосии, где были крещены и другие дети семьи Айвазян, сделал запись о рождении: «Ованес, сын Геворка (Георга) Айвазяна»². Так в дальнейшем знаменитый маринист Иван Айвазовский был крещен при рождении под именем Ованес (Ованнес).

Принадлежность к крымским армянам в жизни будущего художника сыграла немаловажную роль. Армянская колония в Крыму насчитывает более чем 600-летнюю историю. Первые поселения армян здесь появились еще ранее, в XI веке, что было связано с вторжением в Армению турок-сельджуков и вынужденной эмиграцией многих семей. В 1770-х — начале 1780-х годов армянская земля была освобождена от турецкого господства благодаря Екатерине II — состоялось присоединение Крыма к России. Развитие Крымского полуострова в XIX веке, в том числе в сфере культуры, позволило сформироваться здесь целой плеяде выдающихся деятелей³.

Предки будущего художника по линии отца происходили

из армян, приехали в Галицию, на юг Польши, из Западной (Турецкой) Армении предположительно в XVIII столетии. «Их дальние предки тоже жили когда-то в Армении, но, подобно другим беженцам, вынуждены были переселиться в Польшу. Фамилия их предков была Айвазян, но среди поляков постепенно обрела польское звучание»⁴. По другой версии, предки И. К. Айвазовского могли переселиться из армянских земель в западную украинскую область значительно ранее — в XIII или XIV веке. Армянские переселенцы приезжали в Червонную Русь вплоть до первых десятилетий XVII столетия. Позже из-за принуждения армян к унии с Римом преобладал обратный процесс — миграция армянского населения из Галиции.

Поскольку сведения о поколениях семьи знаменитого мариниста крайне скудны, нередко противоречивы, порой имеют легендарный характер, тем более ценны те немногие документы, которые позволяют пролить свет на происхождение художника. Один из таких малоизвестных документов — это письмо Габриэла Айвазовского, родного брата Ивана Константиновича, историку Садоку Барончу⁵. Расспрашивая о своих родственниках Нерсесе, Стефане, Николае, Филиппе, он пишет о их роде Гайвазов, проживавшем в Станиславе, Черновицах и других городах Западной Украины. В том же письме сообщает: «Мой отец Каета (в России Константин, Геворг или Жорж), родившийся около 1765 или 1766 года, сначала переселившийся в Молдавию, затем в начале нынешнего столетия в Крым⁶, где и скончался в 1840 году⁷, часто говорил, что он в Буковине и Галиции имеет родственников и двоюродных братьев и что его старший брат Григор в период правления Марии Терезы служил в австрийской армии в качестве командира гусарской роты и др.». Далее Габриэл рассказывает, что в 1840 году, во время поездки в Буковину, он встретил отца Филиппа Гайваза — священника в Станиславе, и уточняет, что Григор Гайваз являлся членом комиссии по строительству армянской церкви в Черновицах⁸. Данные

письма дополняют сведения о семье художника, а также подтверждают документальную несостоятельность легенд, повествующих о его происхождении. О Нерсесе Гайвазе в том же письме сказано: «Во времена правления молдавского воеводы Матеуша⁹ за свои заслуги получил должность старосты¹⁰ и достоинство рыцаря. Григор, сын старосты, тоже награждался чинами отличия. Нерсес, Стефан и Николай, сыновья Григория, переехали в Черновицы»¹¹. Некоторые подобные сведения находим и в книге польского историка С. Баронча, который утверждает, что Айвазовские по национальной принадлежности являлись армянами польского происхождения, принадлежали к издревле известному роду, представители которого проживали в Молдавии и Западной Украине. Семье Айвазянов принадлежали обширные земельные владения около города Львова. Но на этом скудные сведения, касающиеся происхождения рода Ивана Айвазовского, исчерпываются, более никаких документов в настоящее время неизвестно.

Деда будущего художника звали Григор, бабушку — Ашхен. Известен «Портрет бабушки Ашхен», созданный И. К. Айвазовским в 1858 году, в котором ощущается и почтение, и то глубокое чувство, которое испытывал к ней художник. Отец Ивана (Ованеса) Геворк Айваз (Гайвазовский), привыкнув к особенностям жизни во Львове, даже после переезда в Феодосию по-прежнему писал свою фамилию на польский манер «Гайвазовский». Таков полонизированный вариант написания армянской фамилии Айвазян. Почему его отец решил на переселение в Крым, рассказывает в автобиографии Иван Айвазовский, кратко упоминая о том, что после ссоры с братьями Геворк в юные годы покинул Галицию, обосновался в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии), где занимался торговлей, а позже перебрался в Феодосию. Он, несомненно, был незаурядным человеком, полиглотом: помимо русского, «свободно говорил на шести языках: турецком, армянском, венгерском, немецком, еврейском, цыганском, также владел почти всеми наречиями нынешних дунайских княжеств...»¹².

Эту уникальную способность от него унаследовал средний сын Габриэл. Он даже превзошел отца — освоил девять языков. Но младшего сына Геворка Ованеса (Ивана) отличали еще более замечательные способности, но не к языкам, а к искусствам.

«О происхождении отца Айвазовского имеются и такие сведения: “...в половине прошлого [XVIII] столетия фамилия Айвазовских явилась в Галиции, где ближайшие родственники нашего знаменитого художника живут и до сих пор, владея там земельной собственностью. Отец Ивана Константиновича, Константин Георгиевич, исповедовал армяно-григорианскую религию. По своему времени он был человек весьма развитым, знал основательно несколько языков и отличался живым умом, энергичным характером и жаждою деятельности...”. Литературные сведения о предках Айвазовского очень скудны, да к тому же противоречивы. Никаких документов, которые могли бы внести ясность в родословную Айвазовских, не сохранилось»¹³.

Остальные данные об истории семьи И. К. Айвазовского носят легендарный характер. Так, в конце XIX — начале XX века вышли две публикации, в которых говорилось, что среди предков их рода были турки. Одна из статей передавала будто бы рассказ отца художнику о том, что дед Ивана Айвазовского являлся сыном турецкого военачальника, в детстве был спасен армянином от гибели при взятии Азова русскими войсками в 1696 году. Этот армянин, предположительно солдат, его крестил и усыновил.

В частности, в статье апрельского номера журнала «Русская старина» за 1878 год сообщалось: «Предки Ивана Константиновича Айвазовского были турецкими подданными, исповедниками Корана. Покойный отец рассказывал ему, что дед при взятии Азова (18 июля 1696 года) едва не сделался жертвой наших войск, но был спасен одним из солдат от неминуемой смерти. То же подтвердила Ивану Константиновичу графиня Антонина Дмитриевна Блудова, сказав, что она в одной старинной книге читала об этом эпизоде

из семейных преданий Айвазовского... Айвазовские в прошлом столетии (в XVIII веке. — Е. С.) из Турции переселились в Галицию, где доныне, близ города Львова, есть земледельцы Айвазовские»¹⁴.

Легендарные данные, как часто бывает, дали основу для дальнейших домыслов. Уже после кончины знаменитого мариниста Н. Н. Кузьмин в своей книге, увидевшей свет в 1901 году, рассказывал ту же легенду, но уже ссылаясь на некий неизвестный документ из семейного архива художника: «В жилах Айвазовского текла турецкая кровь, хотя его принято было у нас почему-то считать до сих пор кровным армянином»¹⁵. Как подтверждение такого заключения был приведен рассказ мариниста в семейном кругу, который, весьма вероятно, являлся вымыслом самого Н. Н. Кузьмина: «В 1770 году русская армия, предводительствуемая Румянцевым, освободила Бендеры. Крепость была взята, и русские солдаты, раздраженные упорным сопротивлением и гибелью товарищей, рассеялись по городу и, внимая только чувству мщения, не щадили ни пола, ни возраста. В числе жертв их находился и секретарь бендерского паши. Пораженный смертельно одним русским гренадером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один армянин удержал карающую руку возгласом: “Остановись! Это сын мой! Он — христианин”. Благородная ложь послужила во спасение, и ребенок был пощажен. Ребенок этот был мой отец. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестил его под именем Константина и дал ему фамилию Гайвазовский. Прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился наконец в Феодосии, в которой он женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке...»¹⁶

Такова вторая легенда, объясняющая происхождение великого мариниста и противоречащая первой. Если опираться на них, то турецкое происхождение художника связывалось то

с захватом крепости Азов в 1696 году, то с победой над Бендерами в 1770 году, со спасением то его деда, то отца. Однако такие несоответствия не смущали некоторых авторов. Так, например, М. Натиг с некоторым удивлением писал о том, что Айвазовский почему-то считал себя «чистокровным армянином». Тот же автор строил предположения по поводу этимологии слова «айваз» или «эйваз», которое, по его мнению, могло происходить от турецкого слова «мясник»¹⁷.

По сей день ничто не подтвердило подлинность таких предположений. Важны ли они? Если важны, то именно как предания, но не как факты происхождения рода художника. Национальная принадлежность, будь то армянская или турецкая, вряд ли сильно повлияла на жизненный и творческий путь Ивана Айвазовского. Этот путь был определен прежде всего его человеческими качествами, достойными подражания, высоким талантом, тягой к знаниям и исключительным трудолюбием, умением доброжелательно относиться к людям, тактично, тонко выстраивать отношения с окружающими, в том числе с властью и имущими. Он являлся российским подданным, относил себя к народу России, с глубоким уважением относился к армянам, по вероисповеданию принадлежал к армянской христианской церкви.

Будучи патриотом своей страны, И. К. Айвазовский восхищался и европейской культурой, он интерпретировал ее достижения в своем искусстве. Будучи приверженцем армянского христианского вероисповедания, проявлял равное отношение к мхитаристам, католикам, православным, мусульманам. Стремился всячески помогать феодосийцам — многонациональным жителям своего родного города. Как человек, наделенный глубоким умом философского склада, склонный к самостоятельному анализу и выводам, Иван Константинович понимал ценность именно многокрасочности разноликого мира. Этими красками мира он считал, помимо цветовых характеристик, значимых для любого живописца, множественность духовных характеристик образов, которые

складывались, подобно мозаике, из особенностей национального характера, специфики языков, темпераментов, культур, религиозно-философских, политических воззрений, социальных принадлежностей, профессий, проявлений талантов и т. д.

Одно из главных содержаний его жизни, с раннего детства и до последних дней, составляла преданность морю, непредсказуемому и меняющемуся, но неизменно прекрасному и мудрому, как мир, созданный Господом. Он всей душой любил морскую стихию, с ее вневременной глубинной философией, отражающей извечные законы мироздания. Море словно и учило, и утешало его, наполняло своей силой и свободой, вдохновляло на жизненные и творческие свершения. И потому И. К. Айвазовского с полным правом следует назвать «человеком мира» в лучшем, наиболее высоком значении этого словосочетания, нисколько не противоречащего патриотизму. Обоснованность или субъективность таких суждений докажет подробное обращение к биографии художника, которая всегда и неизбежно должна начинаться с раннего детства и семьи.

Итак, отец прославленного мариниста, купец Геворк Гайвазовский (1765 или 1766, или 1771—1841), предположительно родился в тот год, когда Феодосия в результате завоеваний Екатерины II, придающей особое значение покорению Крыма, была присоединена к российским владениям. Императрица посетила город в 1787 году, а ее приближенный, светлейший князь Г. А. Потемкин, сравнил тогда город с руинами Помпеи. Вероятно, подобный образ Феодосии запомнился и Константину Айвазюну. Он отличался, судя по всему, сильным характером. Будучи совсем юным, не побоялся покинуть семью, остаться без поддержки братьев и уехать в незнакомый край. Его не пугало и то, что отныне он мог рассчитывать только на себя, на свои силы и умение вести дела. Однако, как показало время, самоуверенность молодого человека была вполне оправдана. Его торговля постепенно налаживалась, а переехав в Феодосию, он смог создать семью. Константин женился на местной армянке

Рипсиме (1784—1860). В их семье родилось пятеро детей: две дочери и три сына — Григорий, Габриэл, Ованес (Иван). Григорий, так же как и Иван, не представлявший своей жизни без моря, с 1853 года стал коллежским асессором, затем капитаном Феодосийского карантинного порта.

В первое время дела Константина Айвазяна шли успешно, но их процветанию помешала эпидемия чумы 1812 года, когда торговая жизнь в городе замерла надолго. Отныне его семья могла рассчитывать только на очень скромный достаток, а ее глава вынужден был работать, не зная отдыха. Теперь он относился уже не к купеческому сословию, а к разряду мелких торговцев, стал старостой базара.

Нерадостные бытовые перемены не отразились негативно на характере и развитии Ивана, а, быть может, даже сказались положительно. С детства он отличался живым нравом, энергией, любознательностью, целеустремленностью. Мальчик много времени проводил на берегу моря, с первых лет своей жизни. Еще не вполне осознанно полюбил морскую стихию всей душой и сохранил эту глубокую привязанность на всю жизнь. Он умел видеть и ценить красоту окружающих пейзажей — линий Феодосийского залива, тончайших оттенков россыпей камней, изменчивого освещения на мысе Ильи, лаконизма силуэта отдаленного мыса Чауда. Его привлекала и игра бликов, и богатство оттенков прибрежной морской воды. Будущий художник нередко бродил по обрамляющим город с юга живописным склонам Тепе-Оба, куда доносился перезвон колоколов Казанского собора. Восхищение у него вызывали яркие краски заката, то рубиновые, то изумрудные, фиолетово-черные оттенки южной ночи. Иван Айвазовский с детства знал, что такого необыкновенного воздуха, как в его родной Феодосии, нет нигде в мире — знойного, словно раскаленного, напоенного ароматами полыни, сосновой смолы и черноморской воды.

Он подолгу сидел на берегу, слушая шепот волн. Его завораживали многоликая красота и неизменная мощь морской стихии, а взгляд уходил вдаль, к самой линии горизонта. Когда

мальчику не исполнилось еще и десяти лет, зародилась его мечта — посвятить свою жизнь морю, а оно, словно в благодарность, наделило отрока душевной чистотой и силой, утонченным эстетическим чувством.

Иван Айвазовский занимался в армянской приходской школе при церкви Святого Саркиса, где получил начальное образование. Любознательный ученик стремился всячески расширять свои знания, в частности запоминал множество легенд и подлинных исторических фактов, связанных с происхождением родного города. Согласно одному из преданий, феодосийские земли посещали святые подвижники: апостол Андрей Первозванный, святой воин Георгий, о чем напоминали церковные постройки. Феодосия всегда была многонациональна, и потому православные храмы здесь соседствовали с католическими, синагоги — с мечетями. По мере того как мальчик вырос, все большее значение для него приобретали сооружения армянской христианской церкви, и прежде всего церковь Сурб-Саркис — Святого Саркиса (Сергия), где он был крещен.

Феодосия привлекала Ивана Айвазовского историческими фактами и стародавними легендами, связанными с этой землей. Он узнал, что древние поселения в его родном крае существовали еще в эпоху Античности, хотя точная дата основания города оставалась неизвестной. Согласно древнегреческому мифу, здесь, на земле Киммерии, родине амазонок, находился вход в подземное царство Аида, о чем писал историк Геродот.

Юного Айвазовского особенно волновало рассказанное Гомером путешествие Одиссея в мрачную страну, лежащую у входа в Аид, куда легендарный герой плыл на своем корабле, чтобы встретиться с тенями умерших:

Скоро пришли мы к глубокотекущим водам океана;
Там Киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков...[18](#)

Айвазовский был поражен, узнав, что легендарные сведения Гомера о Киммерии подтвердили свидетельства историка Геродота и географа Страбона. Согласно их трудам, северные берега Понта Эвксинского в доисторические времена принадлежали киммерийцам, и это некогда могущественное племя оставило память о себе в географических названиях: Боспор Киммерийский, Киммерийский вал, Киммерион, Киммерикон.

В окрестностях Феодосии, Коктебеля и Керчи сохранились следы скифской культуры, остались руины генуэзских и турецких построек, что не могло не восхищать впечатлительного подростка. Скифские «бабы», античные развалины, фрагменты генуэзских крепостей пробуждали его воображение. Вдохновляли живописные средневековые армянские монастыри, например монастырь Сурп-Хач (Святого Креста) под Старым Крымом, основанный в XIV веке. Крымские пейзажи для него уподоблялись многовековой летописи, зримому напоминанию о давно ушедшем времени, перед его глазами словно возникали легендарные картины ушедших столетий.

Интерес к историческому прошлому Крыма пробуждали в нем книги А. П. Сумарокова, И. М. Муравьева-Апостола, В. В. Латышева, которые помогали понять, что в самой природе Киммерии сохранились следы седых времен, их «героический пафос и трагический жест»¹⁹. Так постепенно в сознании подростка возникал подлинный образ родного края, древнего и современного, насыщенного исторической памятью земли.

Иван Айвазовский, с детства наделенный как любознательностью, так и подвижностью, немало ходил по городу и его окрестностям. Отправлялся пешком почти до самого Коктебеля, а по дороге любовался степными пейзажами, их разнотравьем, простором, бегом облаков, сменой освещения, которое так сильно преображало ландшафт. Он запоминал панорамы гор, следил взглядом за линией холмов, за причудливыми изгибами бухт, и эти образы, словно

врезавшиеся в его память, влияли на эстетический вкус начинающего живописца, на становление его как творческой мыслящей личности. Смысл подобных впечатлений от крымской земли выразил в стихотворении «Коктебель» младший современник И. К. Айвазовского М. А. Волошин:

С тех пор, как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я, — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заклучена и преображена²⁰.

Он узнал и о том, что город находится на долготе Святой земли, с чем предположительно связана этимология его названия: Феодосия — «Богом данная». Таким названием ее наделили выходцы из Милета, поселившиеся здесь полторы тысячи лет назад. Щедро одаренный в гуманитарной сфере подросток с интересом изучал факты из древней истории и градостроения, например, то, что милетский зодчий Гипподам в далеком V веке до Рождества Христова впервые стал применять принцип регулярной городской застройки. Хотя от античных строений на феодосийской земле сохранились фундаменты только двух зданий, что дает слишком скудные фактические данные, однако результаты археологических раскопок древних поселений здесь не столь бедны, в чем Иван Айвазовский мог убедиться благодаря экспозиции керамики и монет в старейшем городском музее древностей²¹. Спустя десятилетия он, уже прославленный маринист, увидел знаменитые «феодосийские серьги» в «золотой кладовой» петербургского Эрмитажа²².

С юных лет Иван гордился родным городом, история которого восходила ко временам Античности. В ту далекую эпоху на феодосийских землях процветало земледелие, велась

оживленная торговля, чеканилась собственная монета. Географическое положение Феодосии на протяжении столетий привлекало к ней завоевателей. Во времена Боспорского царства здесь произошло восстание Совмака. Татаро-монголы обложили город данью. Генуэзцы выкупили город, превратили его в крепость. Ее развалины, особенно живописная башня святого Константина, привлекали внимание будущего художника своей мощью и выразительностью.

Краевед И. М. Саркизов так описывал облик старой Феодосии: «Море властно врывается в город, бьется у подножия бульвара и брызгами своих волн обдаёт поседевшую от времени башню св. Константина. Смена времен и народов, динамичное движение исторических событий на протяжении долгих веков не могли не отразиться на этом осколке далекого прошлого»²³. В период турецкого владычества город именовался Кучук-Стамбул, что означало Малый Стамбул. Особый колорит в его облик добавили минареты, мечети, фонтаны, построенные во время господства турок. Сохранившаяся мечеть Муфти-Джами также служила основой для зарисовок юного Айвазовского.

Но особенно волновавшие его исторические события начинались с 1771 года, когда феодосийская земля перешла во владение России благодаря завоевательной политике Екатерины Великой, «немки с русской душой», как говорила о себе императрица. Однако в Феодосии начала XIX века можно было найти лишь намек на величественные картины древности и историю отдаленных столетий — этот пыльный, довольно малолюдный провинциальный город для многих не был привлекателен, но только не для Ивана Айвазовского.

С детских лет мальчик проявлял незаурядные способности к искусствам. Он тонко чувствовал музыку и практически самостоятельно научился играть на скрипке, на что способны лишь очень немногие. Да и талант к рисованию несколько не уступал его музыкальному дару, а скорее даже превосходил его. Иван рисовал самоварным углем на побеленных стенах

родного дома. Пройдет всего лишь десятилетие, и его особый дар мариниста будет очевиден не только в России, но и во всей Европе. Но пока о талантах подростка почти никто не знал, а он сомневался в своих способностях, не понимал, как их развивать, да и нужно ли это кому-то, и прежде всего ему самому. Та довольно аскетичная обстановка, которая сопутствовала быту их совсем небогатой семьи, не давала надежд ни на получение профессионального образования в сфере искусств, ни на возможность свободно заниматься живописью или музыкой ради своего удовольствия. Будущее юного живописца терялось в туманно-серой дымке утра на киммерийских просторах — утра жизни художника.

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли²⁴.

В конце 1820-х годов первым его способности к рисованию отметил феодосийский архитектор Яков Христианович Кох. Существует версия, что однажды, проходя по улице, Кох увидел, как мальчик уверенными линиями рисует углем на стене побеленного дома. Высоко оценив его способности и старание, архитектор вручил мальчику недешевый подарок — ящичек с красками. Кроме того, Яков Христианович изъявил желание преподавать мальчику несколько уроков художественного мастерства, регулярно помогал Ивану советами, часто хвалил, а кроме того, что было немаловажно при скромном достатке семьи, дарил ему карандаши и бумагу, кисти и краски. Мальчик, окрыленный вниманием и похвалами профессионала-наставника, работал еще усерднее, делая все новые успехи. О его юношеских работах известно мало. Но все же можно судить о том, что уже тогда юного живописца волновала тема побед русского оружия. В 1828—1829 годах он изобразил в своих

ранних композициях взятие русскими войсками крепостей Турции: Варны и Силистрии (Силистры).

Я. Х. Кох рассказал о юном таланте градоначальнику Феодосии Александру Ивановичу Казначееву, что сыграло немалую роль в жизни и становлении творчества И. К. Айвазовского. Казначеев признал талант будущего мариниста и стал покровительствовать ему. О внешнем облике и добросердечии феодосийского главы позволяет судить исполненный Айвазовским живописный портрет²⁵ — первый опыт художника, проба сил в портретном жанре. Айвазовский благодарно называл Александра Ивановича «мой благодетель». В 1829 году подросток уехал в Симферополь вместе с семьей своего покровителя, назначенного губернатором Тавриды²⁶. Кроме того, А. И. Казначеев стал и предводителем дворянства Таврической губернии, сенатором.

Итак, окончив уездное училище в родном городе, тринадцатилетний Иван по ходатайству А. И. Казначеева был зачислен в симферопольскую гимназию. После успешно пройденного гимназического курса подросток получил свидетельство, выданное в 1833 году по просьбе его отца. В прошении на имя директора гимназии Константин Гайвазовский объяснял необходимость отправить сына в Петербург: «Родной мой сын, Иван Гайвазовский, обучающийся в Таврической губернской гимназии, отправляется ныне в Санкт-Петербург для поступления в Академию художеств и имеет необходимость в свидетельстве об успехах в науках, о снабжении коего таковым свидетельством покорнейше прошу Вашего Высокородия благорассмотрения и резолюции»²⁷.

В архивном документе дана следующая характеристика будущему маринисту: «Ученик Таврической гимназии 2-го класса из мещанского звания — Иван Айвазовский, поступив в Таврическую гимназию в 1831 году августа 15 дня, обучался в первых двух классах оной по ниже писанное число, как из засвидетельствования учителей гимназии явствует, российской

грамматике и логике, всеобщей российской истории и географии, начальным основам алгебры и геометрии, начальным правилам немецкого языка с успехом изрядным, начальным правилам латинского и французского языков — с хорошим, начаткам зоологии и линейному рисованию — с очень хорошим, вообще рисовальному искусству — с превосходным...»²⁸

В Симферополе наставником Ивана Айвазовского стал художник немецкого происхождения Иоганн Людвиг Гросс, отец художника Ф. Гросса. Именно он, видя бесспорные успехи юноши, рекомендовал ему поступать в Императорскую академию художеств в Санкт-Петербурге — академию «трех знатнейших искусств», как ее нередко именовали, начиная со времени создания, то есть с середины XVIII века.

Почему же для талантливого юного живописца оказалось столь важно покинуть родную крымскую землю и уехать одному на обучение именно в Северную столицу? Петербургская академия была основана в эпоху правления императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761), когда свершилось пробуждение России после периода безвременья и засилья иностранцев, когда страна, по выражению историка С. М. Соловьева, «пришла в себя». Развитие искусства в Европе подвигло графа И. И. Шувалова на представление императрице Елизавете предложения о значимости учреждения «особой трех знатнейших художеств академии». Шувалов намеревался основать академию в Москве, при университете, который тогда создавал, но Академия художеств все же была учреждена в 1757 году в Петербурге, поскольку иностранные художники, приглашенные преподавать, не желали уезжать из северной российской столицы.

В XIX столетии Академия Петербурга оставалась единственным в России художественным учреждением, дающим высшее образование, славилась высоким уровнем создаваемых здесь произведений, профессионализмом преподавателей и выпускников, среди которых были такие

известные представители отечественного искусства, как Антон Лосенко, Федот Шубин, Александр Кокоринов, Александр Иванов, Карл Брюллов и многие другие. И потому поступить сюда было весьма непросто, особенно для провинциального юноши из малообеспеченной семьи торговца-толмача.

Однако начинающему феодосийскому художнику вновь помогли его талант и высокое покровительство. Участь в Симферополе, он много рисовал, писал масляными красками, в том числе делал копии с живописных оригиналов и гравюр. Пройдут годы, и картины Айвазовского в свою очередь будут копировать молодые художники, среди которых следует выделить А. К. Саврасова и М. А. Врубеля²⁹.

Симферопольские работы юного художника привлекли внимание Натальи Федоровны Нарышкиной — дочери государственного деятеля, московского градоначальника и генерал-губернатора Москвы в период наполеоновского вторжения Ф. В. Ростопчина (1763—1826), супруги таврического губернатора Д. В. Нарышкина (1792—1831), родственницы декабриста М. М. Нарышкина (1798—1863). Особенно сильное впечатление на Наталью Федоровну произвел рисунок Айвазовского «Евреи в синагоге», и она решила помочь подростку поступить в Академию художеств. Через посредничество известного портретиста Сальватора Тончи она добилась согласия о приеме И. К. Айвазовского в «храм искусств», хотя сначала Тончи хлопотал об отправке юноши в Италию для обучения. Это подтверждает одно из сохранившихся писем, а именно «Запрос министра Двора президенту Академии художеств Оленину о целесообразности принятия И. К. Айвазовского в ученики Академии» от 9 июля 1833 года:

«По высочайшему повелению препровождая при сем на рассмотрение всеподданнейшее прошение живописца коллежского советника Тончи, при коем представляя на высочайшее благоусмотрение выписку из полученного письма от жены действительного статского советника Нарышкиной

из Симферополя и при оном рисунок, сделанный с натуры 13-ти летним³⁰ сыном армянина из Феодосии Иваном Айвазовским, просит об отправлении его в Рим для обучения живописи, я покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство уведомить меня, нельзя ли наперед взять Айвазовского в здешнюю Академию художеств, а вместе с тем и возвратить означенные бумаги и рисунок.

Министр императорского Двора
князь Волконский»³¹.

Таким образом, очевидно, что и князь Петр Михайлович Волконский (1776—1852), пользуясь немалым влиянием как генерал-адъютант, министр императорского Двора (с 1826 по 1852 год), сыграл значительную роль в творческом становлении молодого мариниста. Решение о зачислении Ивана Айвазовского в учащиеся принял президент академии Алексей Николаевич Оленин, прочитав письмо Нарышкиной и увидев вложенный в него рисунок начинающего художника. Его ответ последовал незамедлительно — 13 июля 1833 года:

«На предписание Вашего сиятельства от 9-го сего июля за № 2719 насчет 13-ти летнего сына армянина из Феодосии Ивана Айвазовского, имеющего отличную способность к художествам, честь имею уведомить Вас, милостивый государь, что молодой Айвазовский, судя по рисунку его, имеет чрезвычайное расположение к композиции, но как он, находясь в Крыму, не мог быть там приготовлен в рисовании и живописи, чтобы не только быть посланным в чужие края и учиться там без руководства, но даже и так, чтобы поступить в штатные академисты императорской Академии художеств, ибо на основании 2-го § прибавления к установлениям ее, вступающие должны иметь не менее 14-ти исполнившихся лет, рисовать хорошо, по крайней мере с оригиналов, человеческую фигуру, чертить орден архитектуры и иметь предварительные сведения в науках, то, дабы не лишать сего молодого человека случая и способов к развитию и усовершенствованию

природных его способностей к художеству, я полагал бы единственным для того средством высочайшее соизволение на определение его в Академию пенсионером его императорского величества с производством за содержание его и прочее по 600 р. из Кабинета его величества³² с тем, чтобы он был и привезен сюда на казенный счет. Предавая такое мнение мое на уважение Вашего сиятельства, имею честь возвратить всеподданнейшее письмо г. Тончи с приложенными при оном выпиской из письма госпожи Нарышкиной и рисунком действительно даровитого мальчика Айвазовского.

Президент»³³.

Высокая оценка всесильного президента академии явилась еще одним, пожалуй, важнейшим на тот период, признанием таланта будущего мариниста. А. Н. Оленин принадлежал к ведущим политическим деятелям своей эпохи, кроме того, был известен как историк, археолог, художник, являлся Государственным секретарем, а впоследствии членом Государственного совета, действительным тайным советником. В 1817—1843 годах занимал высокий пост президента Императорской академии художеств и именно в этот период написал «Краткие исторические сведения о состоянии Императорской Академии художеств с 1764 по 1829 год».

Алексей Оленин в академической жизни сыграл роль реформатора, преобразования которого, бесспорно, благотворно повлияли на учреждение. Выбор преподавателей осуществлялся по новым правилам, стал более объективным. Воспитательное училище, существовавшее при Академии, требовало тогда введения множества мер, более касавшихся поднятия нравственности, чем улучшения преподавания, что также попало в поле зрения Оленина. Благодаря президенту удалось увеличить средства, выделяемые на академические нужды, в том числе на зарубежные пенсионные поездки лучших выпускников. В частности, в Риме для них было устроено попечительство, что уже через несколько лет сыграет

немаловажную роль в жизни Ивана Айвазовского.

Итак, именно решению А. Н. Оленина талантливый феоносиец был обязан принятием его в Академию. Однако пожелания президента «храма трех знатнейших искусств» должны были высочайше утверждаться императором России. По поводу юного феоносийского художника министр императорского Двора князь Волконский 22 июля 1833 года сообщал президенту Академии художеств о согласии Николая I: «По всеподданнейшему моему докладу отношения Вашего Высочайшего Преосвященства от 13 июля № 330 Государь Император высочайше повелеть соизволил: 13-летнего³⁴ сына армянина из Феодосии Ивана Гайвазовского принять в Академию художеств пенсионером его величества и привезти сюда на казенный счет»³⁵.

Предпринять такой шаг — одному отправиться в строгую Северную столицу — было совсем не просто. У начинающего художника возникало множество вопросов, например: как его живописные предпочтения и уже полученные навыки будут согласовываться с академическими требованиями, с господствующими в Петербурге эстетическими приоритетами? Вторая половина XIX века — время эволюционирования и нарастания значимости пейзажного жанра в отечественном искусстве, начало его признания, что обусловлено рядом факторов.

Во-первых, и в европейском пейзаже, и в отечественной ландшафтной школе развивались новые принципы живописи, близкие к реализму, отчасти к пленэру. Они позволяли отражать окружающее в неприукрашенном виде, в чем отчасти сказалось воздействие философии позитивизма. Во-вторых, пейзажный жанр позволял передать национальную самобытность образов, что приобретало особую актуальность. Предметом изображения реалистической школы живописи, прежде всего в Москве, все чаще становились мотивы родной природы, близкие и Айвазовскому. Но петербургская школа, напротив, склонялась к преобладанию романтической стилистики, еще доминировали

изображения «итальянских видов»³⁶.

Отъезд из родного города был сложен для Ивана Айвазовского и потому, что он был привязан к семье, к крымским степным просторам, к столь любимому им морю, без которого не мыслил ни своей жизни, ни творчества. Ему предстояла дорога на чужбину, из солнечно-приветливой Феодосии в сурово-холодный Петербург, с юга на север. И вспоминаются слова известной песни другой эпохи, но приложимые ко многому и ко многим: «Почему же эти птицы на север летят, если птицам положено только на юг?» Иван Айвазовский должен был расстаться с близкими, с беззаботными отроческими годами, с привычным образом жизни. Он решился на этот шаг. Чувствовал в себе душевные силы начать новый жизненный этап. Уехав в Петербург, он словно отметил рубежную веху на своем пути — пути художника, преданного искусству, не боявшегося «плыть против течения».

Глава 2

ОТ ГОНЕНИЙ К ПРИЗНАНИЮ: САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ. 1833— 1838 ГОДЫ

*И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла...*

А. А. Блок. Снежная дева

Будущий прославленный маринист, а пока шестнадцатилетний юноша, делавший первые шаги в искусстве, прибыл в Санкт-Петербург в 1833 году. Каким он увидел строго-сумрачный город, позволяющий судить, в частности, живописные произведения, акварели и гравюры того времени. На них известные и сегодня улицы, площади, архитектурные памятники города Петра Великого предстают несколько иначе, погруженные в атмосферу рассветных десятилетий XIX века. Их превосходно передают акварели той эпохи. Таковы образы «Казанского собора» и «Арки Главного штаба» в исполнении Василия Садовникова, «Дворцовой набережной», «Масленичного гуляния с катанием с гор на Царицыном лугу» в видении Карла Беггрова, «Сенной площади» и «Никольского собора» в трактовке Фердинанда Виктора Перро.

Торжественно-холодная Северная столица встретила Ивана не жарким солнцем, столь характерным для родной Феодосии, а ледяным колким ветром, не ласковым плеском моря, а свинцово-непроницаемыми волнами Невы, с разбивавшимися о береговой гранит. Таким Иван Айвазовский увидел Петербург в первый день приезда. Пронзительно кричали чайки над водой, безучастно возвышались немые громады домов, низко нависали темные тучи, готовые обрушить на город беспощадные дождевые потоки. Он с замиранием сердца спешил по набережной Васильевского острова к Академии художеств, горделивый фасад которой обращен к невавскому простору.

Пейзажист Айвазовский, открытый жизни и людям юноша

с чуткой и ранимой душой, предстает перед нами на неоконченном портрете кисти неизвестного художника³⁷. Он был настолько восприимчив к изменчивым состояниям природы, особенно водной стихии, что, разумеется, не мог остаться равнодушным к образам Санкт-Петербурга, одного из красивейших городов Европы, к тому же стоявшего на морском побережье.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой,
Она, как царство, приняла...³⁸ —

писал А. А. Блок. Так и душа художника постигала сурово-возвышенный, еще неясный, не разгаданный им лик града Петра.

Направляясь в Академию и проходя по мосту через Неву, он останавливался на набережной Васильевского острова, опирался о гранитные глыбы заграждений, смотрел на волнующуюся Неву. Как некогда Петр I в интерпретации А. С. Пушкина: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн»³⁹. Пушкин и Айвазовский — современники, в 1833 году они не были знакомы, но уже через три года прославленный поэт будет восторгаться картинами молодого феодосийского художника. Тогда оставалось уже совсем немного времени до трагической гибели великого поэта. В 1833 году он находился в зените славы и творческого горения, именно в этом году написал знаменитую поэму «Медный всадник». Вероятно, Айвазовский во многом воспринимал Петербург как город своего выдающегося соотечественника — Александра Пушкина. В восприятии же младшего современника мариниста, поэта Серебряного века Александра Блока, Петербург — это «непостижимый», «действенный» город. Таким он должен был быть и для Ивана Айвазовского при первой встрече: неизвестным, непознанным и, несомненно, «действенным» — требовательно вторгающимся в жизнь своим

обликом, своим пространством, тревожным дыханием северной природы, особым душевным складом жителей, всем своим духовным строем, что так сильно влияло на помыслы и стремления, поступки и судьбы.

Словно принимая вызов города и стихии, юноша все более ускорял шаг, укреплялся в сознании правильно сделанного выбора, в своей решимости покорить Санкт-Петербург, овладеть навыками и, подобно великим мастерам, стать профессиональным художником. Отступали робость и сомнения, неуверенность в своих силах и таланте, а оставалось все поглощающее стремление достойно служить Великому Искусству, но и осознание немалого бремени ответственности, легшего на его юношеские плечи.

Действительно, Айвазовский, которому была оказана особая честь самим императором России, отныне находился под пристальным вниманием и президента Академии, и императорского Двора. Об этом свидетельствует, например, «Донесение президента Академии художеств министру Двора о приезде И. К. Айвазовского в Петербург», составленное А. Н. Олениным 20 октября 1833 года:

«Вследствие предписания Вашего сиятельства от 22 июля 1833-го года имею честь донести, что определенный по высочайшему повелению в число пенсионеров императорской Академии художеств на счет Кабинета Его Величества, 13-летний сын армянина из Феодосии Иван Айвазовский явился в Академию 23 августа сего года.

Президент»⁴⁰.

Такое донесение было составлено, чтобы зачислить феодосийца в список казенных пенсионеров и для получения им права на жительство в Петербурге.

Прибыв к академическому зданию, Иван Айвазовский остановился перед величественными скульптурами. Вход в Академию художеств тогда, как и в наши дни, охраняли величественные монументальные скульптуры сфинксов, установленные здесь по повелению императора Николая I. На